

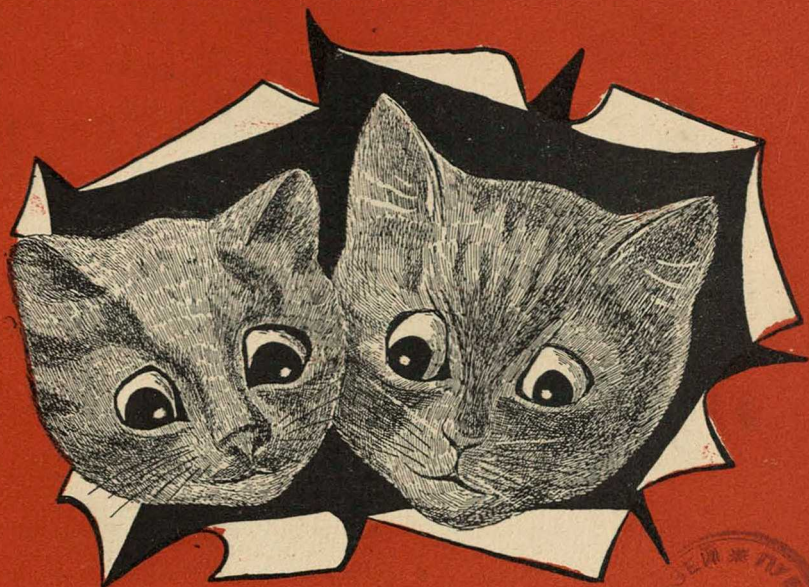
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

ОКТАБРЬ.

№ 23.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧЕТВЕРО (повѣсть).
ОСЕНЬ.
ИВАНОВСКІЙ ЧЕРВЯЧОКЪ.
ВЪ ГОРАХЪ СИЦИЛИИ.
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Модель аэроплана.
Выкройка реформированнаго лифчика
для дѣвочки.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

На часахъ.

ЧЕТВЕРО.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Случилось цѣлое происшествіе. Утромъ прибѣжала Ниночка и объявила, что въ саду разцвѣли такіе цвѣты, лучше которыхъ нѣтъ на свѣтѣ. Мы всѣ бросились за нею въ садъ и, дѣйствительно, увидѣли превосходныя бѣлыя лиліи и стали ихъ нюхать. При этомъ Федя такъ понюхалъ, что находившаяся на днѣ цвѣтка пчела, попала ему въ самый носъ и тамъ больно его укусила. Федя схватился за носъ и съ крикомъ побѣжалъ въ домъ. Несомнѣнно, что ему было очень больно, потому что мы видѣли, какъ носъ все распухалъ и распухалъ и наконецъ сдѣлался такимъ большимъ, какъ картошка. Юрьевна испугалась и принялась его лечить. Она прочитала гдѣ-то, что отъ укусовъ пчелъ и осъ помогаетъ синька и намазала ею Федѣ носъ. Съ громаднымъ распухшимъ синимъ носомъ онъ былъ такъ смѣшонъ, что смѣялся и самъ. Ему было больно, но онъ шутилъ и говорилъ:

— Теперь я — Ломоносовъ: у меня ломитъ отъ боли носъ!

Лазарь тоже смѣялся и намъ было пріятно, что онъ развеселился и, повидимому, сталъ забывать о своей болѣзни.

Пока Юрьевна возилась съ Фе-

дей и мы всѣ стояли около нихъ толпой и смѣялись, прибѣжалъ земскій почтарь и привезъ тетѣ Олѣ со станціи письма. Тетя прочитала ихъ одно за другимъ и вдругъ радостно воскликнула:

— Лазарь! Иди скорѣе сюда! Твоя мать нашлась!

Лазарь поблѣднѣлъ и побѣжалъ къ тетѣ. Мы всѣ тоже послѣдовали за нимъ.

— Твоя мать нашлась! сказала тетя.—Цѣлые два мѣсяца лежала больная въ тифѣ въ Ивановской больницѣ! Теперь она поправилась и выписалась уже изъ больницы. Живетъ тамъ-же, въ Ивановкѣ, и проситъ, чтобы тебя прислали къ ней!

Лазарь сразу расцвѣлъ.

— Мама! мама! закричалъ онъ.— Она нашлась! Она жива!

Слезы засвѣтились у него на глазахъ, но въ то-же время и радость не сходила съ его лица. Его радость передалась намъ и мы зашумѣли и запрыгали, точно его мать была нашей родственницей и точно его личное дѣло касалось и насъ.

— Ну, слава Богу! говорила Юрьевна и крестилась. — Теперь, значить, нашъ Лазарь, не сирота. Только какъ-же намъ отпривить

его въ Иваньково одного? Вѣдь это не ближній свѣтъ! Цѣлыя полтора версты отсюда на лошадахъ!

Тетя задумалась. Узнавъ, что мать такъ далеко, Лазарь отошелъ въ уголокъ и сталъ плакать. Федя подскочилъ къ нему со своимъ большимъ носомъ и сдѣлалъ гримасу. Лазарь не сдержался и сквозь слезы прыснулъ отъ смѣха.

— Ну, кши, кши! крикнула на насъ Юрьевна.— Бѣгите отсюда всѣ! Намъ надо поговорить! Идите въ садъ!

Мы схватили Лазаря за руки и побѣжали съ нимъ въ садъ. Когда мы вернулись къ завтраку, то тетя Оля и Юрьевна были серьезны, говорили о чемъ-то для насъ непонятномъ, и только къ вечеру я узнала, въ чемъ дѣло. Тетя лично рѣшила везти Лазаря къ его матери, но только ей не хотѣлось возвращаться оттуда одной и она не знала, кого съ собою взять, кромѣ Лазаря. Послѣ ужина Юрьевна подозвала меня къ себѣ и ласково погладила меня по головѣ.

— Хочешь ѣхать въ Полтавскую губернію? спросила она меня.

— Зачѣмъ? спросила я.

— Тетя повезетъ туда Лазаря... Кстати, и ты побываешь тамъ и увидишь настоящую Малороссію... Хочешь поѣхать вмѣстѣ съ ней?

— А это далеко?

— Полтора версты.

— Цѣлыя полтора версты!

Мысль, что я поѣду такъ дале-

ко, да еще на лошадахъ, захватила меня, я обрадовалась и захлопала въ ладоши.

— Поѣду! Поѣду! закричала я.

И бросившись къ тетѣ, я повисла у нея на шеѣ и стала ее цѣловать. Узнавши, что я поѣду въ Полтавскую губернію, дѣти окружили меня, стали смотрѣть на меня завистливыми глазами и я не безъ тщеславія стала укладываться и собираться въ путь, хотя и брала съ собою совсѣмъ не то, что было нужно.

Отъѣздъ назначенъ былъ на слѣдующій-же день. Начались хлопоты, увязываніе узелковъ и узелочковъ, Грицько выкатилъ изъ сарая старинную коляску и сталъ ее чистить и смазывать ей колеса, его помощникъ Лука сводилъ на кузницу тройку лошадей и когда все было готово, то, помолившись Богу, тетя, Лазарь и я отправились въ далекій путь. Всѣ вышли насъ провожать, желали намъ счастливаго пути и когда наконецъ мы выѣхали изъ усадьбы, и я обернулась и увидѣла позади себя Ничку, Колю, Володю и синеносаго Федю, махавшихъ намъ платками, то мнѣ стало жаль съ ними разставаться и захотѣлось вдругъ соскочить съ коляски и побѣжать къ нимъ и взять всѣхъ ихъ съ собой.

— Съ Богомъ! кричала намъ въ слѣдъ Юрьевна.— Пишите намъ! Возвращайтесь скорѣе!

Полчаса спустя, мы уже ѣхали по большой дорогѣ. Впереди открывалась степь, ровная, какъ столъ, съ торчавшими кое-гдѣ мельницами, а сзади мало-по-малу исчезали за нами лѣса, тополи и за ними далеко-далеко виднѣлась усадьба тети. Было около четырехъ часовъ дня. По обѣимъ сторонамъ дороги, точно громадный коверъ, тянулись поля ржи и пшеницы, прерываемыя полосами красной гречихи или темно-зеленой конопли, высоко подъ небесами раздавалось пѣніе жаворонковъ, такъ высоко, что самихъ жаворонковъ даже не было видно. Въ воздухѣ носился ароматъ. Въ степи было безлюдно: ни чумаковъ, ни жилья. Попались на встрѣчу дватри хуторка, но и они скоро остались позади.

Тетя задремала и ѣхала съ закрытыми глазами, Грицько молчаливо правилъ лошадыми, а я и Лазарь рассказывали другъ другу разныя исторіи, глядѣли по сторонамъ и подъ конецъ утомились настолько, что умолкли и сами, и тоже стали дремать.

— Ты хочешь ѣсть? спросила я Лазаря.

— Хочу... отвѣтилъ онъ.

Но намъ было неловко разбудить тетю и мы продолжали молчать и дремать, а время все шло и шло и наконецъ сталъ спускаться вечеръ. Прохладный вѣтерокъ задулъ мнѣ въ лицо, пѣсни жаво-

ронковъ прекратились, и вмѣсто нихъ, сначала робко, а потомъ все бодрѣе и бодрѣе, заговорило насѣкомое царство: загудѣли жуки, затрещали кузнечики, запищаль гдѣ то сусликъ и запоздавшій ястребъ, широко разставивъ крылья, повисъ въ вышинѣ. Солнце краснымъ мутнымъ шаромъ уже готово было опуститься за горизонтъ, а на противоположной розовато-пепельной сторонѣ, изъ-за холмовъ, мелькнули уже четыре церковныя главы и цѣлый рядъ мельницъ.

— А вотъ и Межиричи! сказала Грицько, показывая кнутомъ на мельницы и церкви. — Поскорѣ надо покормить коней, да и въ дорогу.

До этого мѣста ровная и скучная степь круто обрывалась внизъ и тамъ, внизу, сверкалъ Пселъ и его обступили липы, тополи и дубы, между которыми бѣлѣлись въ сумеркахъ хатки и мелькали огоньки. Что-то ласковое, привѣтливое манило оттуда насъ къ себѣ и хотѣлось прыгнуть съ коляски и бѣжать внизъ, къ этимъ огонькамъ и къ этому Пслу, у береговъ котораго такъ сладко пахли липы и такъ звонко перекликались лягушки. Какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога круто спускалась внизъ, Грицько остановилъ лошадей и сталъ привязывать заднія колеса къ переднимъ, чтобы затормозить коляску.

— Къ кому заѣзжать? обра-

тился онъ къ тетѣ. — Къ Петренкѣ?

— Да, пожалуй, что и къ Петренкѣ! отвѣтила тетя.

Мы стали спускаться внизъ и не знали, куда глядѣть. Справа, на протяженіи цѣлой версты возвышался обрывъ, посинѣвшій отъ наступившихъ сумерекъ и принявшій видъ высокихъ горъ; у самой его подошвы тянулася вереница бѣленькихъ хатъ, обросшихъ вишнями и тополями, окутанныхъ кудрявымъ хмелемъ и разукрашенныхъ пунцовыми цвѣтами. Кое-гдѣ на крышахъ зрѣли дыни и тыквы, налѣво тянулись зеленые луга, мимо насъ съ мычаніемъ брели стада, возвращавшіяся съ поля домой, и мнѣ казалось, что пахло отъ нихъ парнымъ молокомъ. Весь красный отъ заходившаго солнца, Пселъ походилъ на расплавленную мѣдь. Слышались пѣсни хохлушекъ и хохловъ и мнѣ казалось, что я была въ театрѣ и все это видѣла на сценѣ или же во снѣ.

Но вотъ и Петренкова хата. Мы подъѣзжаемъ къ ней, выходимъ изъ коляски, насъ встрѣчаютъ добродушные хохоль и хохлушка и не знаютъ, гдѣ посадить. Въ хатѣ чистенько и опрятно, гладко вымазанъ полъ глиной и стѣны блистаютъ своей бѣлизной. Мы усаживаемся за столъ и насъ начинаютъ угощать. Я и Лазарь проголодались и потому набрасываемся на молоко, сметану, тво-

рогъ и пирожки и начинаемъ ихъ уплетать съ жадностью голодныхъ шакаловъ. Затѣмъ тетя снова завязываетъ узелки, мы прощаемся съ Петренками и снова усаживаемся въ нашу коляску.

— Но, но, но! погоняетъ Грицко. — Немного отдохнули и поѣли, теперь можно и еще побѣжать!

Уже темно. Свѣтятъ звѣзды и во всѣхъ хаткахъ горятъ огоньки. Мимо насъ тянутся въ сумракѣ мѣловыя горы, дорога начинаетъ подниматься все вверхъ и вверхъ и скоро большое село, съ его привѣтливими огоньками, остается внизу и мы выѣзжаемъ опять на открытое мѣсто и наши лошади бѣгутъ въ темноту. Лазарь ложится головою тетѣ на колѣни, а я прислоняюсь къ ея плечу. Коляска мѣрно покачивается изъ стороны въ сторону и мнѣ кажется, что я плыву съ братьями и съ сестрой въ лодкѣ и насъ смѣшитъ Оедя. По берегу рѣки идетъ кошка Мурка и несетъ въ зубахъ котенка. Ничка начинаетъ плакать и требовать, чтобы мы взяли Мурку въ лодку. Мы начинаемъ поворачивать лодку къ берегу, но она вдругъ начинаетъ прыгать на мѣстѣ такъ, что я стучаюсь вискомъ о что-то мягкое и просыпаюсь.

— Тише, тише! кричитъ тетя. — Куда ты заѣхалъ, Грицко? Развѣ не видишь, что мы ѣдемъ по распаханному полю!

— Да ничего не видно, пани!

отвѣчаетъ онъ и поворачиваетъ лошадей на дорогу.

Въ другой разъ я просыпаюсь и вижу зарево далекаго пожара. Что-то страшное, зловѣщее вѣетъ на меня отъ него въ ночной тишинѣ. Лазарь тоже просыпается и большими глазами смотритъ на него.

— Это въ Сумахъ! говоритъ тетя и крестится.

— Должно быть, въ Сумахъ! отвѣчаетъ Грицько и мы снова прислоняемся къ тетѣ и засыпаемъ.

Я не помню дальше, что было потомъ. Я слышала, какъ меня кто-то переносилъ на рукахъ изъ коляски въ какой-то домъ, слышала, какъ тетя раздѣвала меня и укладывала въ мягкую постель и какъ кто-то другой раздѣвалъ Лазаря и причиталъ надъ нимъ:

— Спи, мой батюшка!.. Усталъ, голубчикъ! Ну, ничего... За ночь отдохнешь!

Проснулась я еще до восхода солнца. Меня разбудилъ скрипъ журавля у колодца, доносившійся со двора въ открытое окно, и жалобное мяуканье котятъ подъ кроватью. Я разбудила Лазаря, мы одѣлись и выскочили на дворъ. Посреди его, у колодца, мы увидѣли нашего Грицько: онъ поилъ лошадей. Мы зачерпнули воды и умылись прямо изъ ведра.

— Здравствуй, Грицько! сказала я ему. — Гдѣ мы?

— Въ Подолкахъ! отвѣтилъ онъ. — Пора ѣхать! Разбудите, барышня, тетеньку!

Стало всходить солнце, окрашивая все въ оранжевый цвѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ проснулись и птицы и защебетали во всѣхъ концахъ. Потянулся дымъ изъ трубъ, замычалъ скотъ и гдѣ-то въ сторонѣ зазвонили въ церкви къ заутрени. Я еще ни разу въ жизни не вставала такъ рано и мнѣ это было ново и интересно и казалось, что я выросла уже большая и могу вставать такъ рано всегда.

Мы побѣжали будить тетю, но она уже встала и суетилась около самовара.

— Скорѣй, скорѣй, дѣтки! заторопила она насъ. — Пейте чай, да и въ дорогу.

Мы стали ѣсть и пить, а тѣмъ временемъ Грицько уже запрягъ лошадей и подалъ ихъ къ крыльцу. Уложившись, мы снова усѣлись на прежнія мѣста въ коляскѣ и отправились въ путь.

Свѣтило яркое солнце, пѣли жаворонки, спѣлая рожь, какъ море, волновалась по сторонамъ дороги и воздухъ былъ такъ чистъ и ароматенъ, что хотѣлось дышать имъ какъ можно глубже. Лошади бѣжали мелкой, дружной рысцой, картина смѣнялась картиной и время шло незамѣтно. Мы проѣхали по глубокимъ пескамъ, свистѣвшимъ подъ нашими колесами, миновали село Красную-Луку и

скоро передъ нами показался какой-то маленькій уѣздный городъ.

— Какой это городъ? спросила я Грицько.

— Гадячь! отвѣтилъ онъ. Сейчас мы будемъ въ немъ отдыхать.

Гадячь со множествомъ евреевъ, Рапешка, Сары—все это мелькнуло передо мною, какъ интересный сонъ или какъ длинная лента въ кинематографѣ. Теперь уже мы ѣхали по Полтавской губерніи. Я видѣла передъ собою поля пше-ницы, ржи, гречихи и конопли, яркое солнце, мнѣ дулъ въ лицо свѣжій вѣтерокъ и я чувствовала его бархатное прикосновеніе къ моимъ щекамъ, сама подставляла ему свое лицо и старалась какъ можно глубже имъ дышать. Намъ на встрѣчу попадались хуторки, утопавшіе въ зелени и цвѣтахъ, разукрашенные раскидистыми каштанами, виноградными лозами и кудрявымъ хмелемъ. Въ этихъ хуторкахъ я видѣла прекрасныхъ молодыхъ хохлушекъ, старыхъ усатыхъ хохловъ въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и черномазыхъ, красивыхъ хохлятъ. Я слышала чудныя пѣсни, когда послѣ сельскихъ работъ крестьяне съ пѣніемъ возвращались домой и попадались намъ навстрѣчу.

Но вотъ уже солнце сѣло и тѣни потянулись и такъ и застыли на поляхъ, на дорогѣ и на лѣсахъ. На горизонтѣ показалась чья то большая барская усадьба съ длин-

ной тополевою аллеей, спускавшеяся прямо къ рѣкѣ. На невысокомъ курганчикѣ стоитъ вѣтряная мельница, за нею тянется темный садъ съ тонущимъ въ немъ стариннымъ барскимъ домомъ, напротивъ сада—рига съ огромнымъ гнѣздомъ аиста на крышѣ, а затѣмъ—водяная мельница на рѣкѣ Хоролѣ. Сквозь густую листву каштановъ просвѣчиваютъ ярко освѣщенные окна барскаго дома и манятъ къ себѣ. Я нагнулась впередъ, чтобы разглядѣть усадьбу, и вдругъ до меня донеслись звуки фортепіано. Кто-то въ домѣ игралъ. Издалека доносился плескъ мельничнаго колеса, на Хоролѣ кричали лягушки, свѣтили съ небесъ яркія звѣзды и было такъ хорошо, такъ хорошо, что не хотѣлось уѣзжать; такъ бы всю жизнь стояла на одномъ мѣстѣ и слушала.

— Остановимся, тетя! сказала я.— На одну минутку!

Тетя хотѣла остановить Грицька, но въ это время раздался вдругъ лай собакъ, бросившихся на насъ, и заглушилъ собою все другіе звуки. Лошади рванулись впередъ и съ громомъ пронесли по плотинѣ.

Затѣмъ меня и Лазаря снова перенесли на рукахъ изъ коляски въ какую-то хату и снова тетя раздѣвала меня и укладывала въ мягкую постель, а кто-то другой раздѣвалъ соннаго Лазаря и громко надъ нимъ причиталъ:—

Въ ожиданіи молока.

Съ дѣдушкой въ лодкѣ.

— Голубчикъ мой! Сыночекъ мой дорогой! Да тебя-ли я вижу? Ты-ли ко мнѣ пріѣхалъ?

Я слышала сквозь сонъ, какъ кто-то плакалъ, какъ плакала также и моя тетя, но глаза мои слипались, мнѣ хотѣлось спать, а Лазарь спалъ уже такъ крѣпко, что и не чувствовалъ надъ собою причитаній матери и ея поцѣлуевъ и слезъ и не сознавалъ того, что путь уже оконченъ, что полтора-ста верстъ остались позади и что онъ уже дома у своей матери, которая такъ долго его ждала.

На слѣдующее утро я проснулась около восьми часовъ и сразу не могла понять, гдѣ я и какъ я сюда попала. Въ открытое окно, сплошь заросшее грушами и виноградомъ, пробивалось въ комнату яркое солнце и окрашивало противоположную стѣну въ зеленоватый цвѣтъ; за окошкомъ рѣзвились воробьи и съ надворья доносилось протяжное мычанье теленка.

— Лазарь! закричала я.—Вставай! Слышишь, Лазарь? Мы куда-то пріѣхали, гдѣ хорошо!

Лазарь вскочилъ, быстро одѣлся, и мы оба съ нимъ выскочили въ садъ и побѣжали къ рѣкѣ.

Въ саду было тѣнисто и прохладно. Кусты сирени, акаціи и шиповника толпились по бокамъ дорожекъ, всюду пестрѣли бархатцы, ноготки и анютины глазки, высились громадные подсолнечники. Сквозь кусты виднѣлась рѣка.

Мы раздвинули ихъ и здѣсь, у берега, въ тѣни старой липы, оказался плотикъ, къ которому было привязано нѣсколько выдолбленныхъ изъ дерева челноковъ. Мы взошли на плотикъ, умылись прямо изъ рѣки, выждали, когда обсохнутъ наши лица, и побѣжали назадъ. Къ намъ на встрѣчу вышла вдругъ какая-то худая, блѣдная женщина и, завидѣвъ Лазаря, широко разставила руки для объятій, да такъ и замерла.

— Лазарь!.. Лазарь! залепетала она.—Да ты-ли это? Тебя-ли я, голубчика, вижу?

Это была его мать. Со всего разбѣга онъ бросился къ ней на шею и громко зарыдалъ.

— Мама! Мама! закричалъ онъ, и не могъ больше произнести ничего.

Она взяла его на руки, прильнула щекой къ его мокрому отъ слезъ лицу и заплакала, какъ дитя. Потомъ она понесла его въ хату, вошла съ нимъ въ комнату, положила его на кровать и стала его ласкать и вытирать ему слезы.

— Да какъ-же ты исхудалъ, мой милый, мой ненаглядный Лазарь! говорила она.—Какой ты сталъ блѣдный, какъ глубоко ввалились твои глаза!

А онъ обнималъ ее и все повторялъ:—Мама, мама! Наконецъ-то ты нашлась!

И еще долго они оба плакали и причитали другъ надъ другомъ,

такъ что хотѣлось заплакать и мнѣ самой. Но я удержалась и снова выбѣжала въ садъ. Тамъ на лавочкѣ сидѣла тетя-Оля.

— Здравствуй, Наденька! сказала она и притянула меня къ себѣ.—Ну, что? Какъ? Отдохнула съ дороги? Очень утомилась?

Но радость свиданія матери съ сыномъ и торжество въ природѣ передались и мнѣ и я бросилась къ тетѣ на шею и стала цѣловать ее въ обѣ щеки.

— Спасибо тебѣ!.. повторяла я.— Здѣсь такъ хорошо! Я не уѣхалабы отсюда совсѣмъ!

Затѣмъ насъ позвали къ чаю. Мы пили чай, густыя сливки, ѣли сладобныя, горячія пышки и мать Лазаря не знала, гдѣ насъ посадить и чѣмъ накормить. Потомъ цѣлый день я и Лазарь бѣгали по саду, катались по Хоролу на лодкѣ, дразнили аиста на крышѣ, смотрѣли на начавшуюся уже молотъбу. И весь день, съ утра и до вечера нашъ Грицько крѣпко спалъ подъ коляской и мухи облѣпили ему губы, носъ и глаза. Но онъ этого не слышалъ и наверстывалъ то, что не доспалъ за дорогу.

На слѣдующій день мы уже отъѣзжали въ обратный путь.

Лазарь, его мать, какія-то еще хохлы и хохлушки вышли насъ провожать и когда мы, наконецъ, усѣлись въ коляску и тронулись въ путь, то еще долго видѣли ихъ позади себя. Они махали намъ

платками и осѣняли насъ крестомъ.

— Добрый путь! кричали они.— Спасибо вамъ! Да наградитъ васъ Господь!

И передъ нами снова потянулись поля, лѣса, сады и хутора и прекраснымъ вѣеромъ стали развертываться передъ нами одна за другой картины Малороссіи.

— Ну, слава Богу! перекрестилась тетя-Оля, — когда мы уже отъѣхали далеко.—Теперь мать и сынъ снова вмѣстѣ! Теперь ужъ онъ больше не сирота!

Услышавъ эти слова, Грицько повернулся къ намъ лицомъ и серьезно сказалъ:—

— Васъ, пани, за это Богъ наградитъ! Кто разлучаетъ мать съ ребенкомъ, тотъ будетъ горѣть въ аду, а кто опять соединяетъ, тому простятся всѣ его грѣхи!

И вотъ опять двое сутокъ ѣзды на лошадахъ, опять Сары, Рашевка, Гадячъ и хутора; снова—ночевки на постоянныхъ дворахъ и вотъ наконецъ въ далекой синевѣ степи передъ нами показывается уже темный лѣсъ и изъ-за него привѣтливо выглядываютъ красныя крыши тетиной усадьбы. И чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ къ ней, тѣмъ все больше и больше я становлюсь нетерпѣливой. Мнѣ начинаетъ казаться, что лошади бѣгутъ уже не такъ дружно, какъ бѣжали до сихъ поръ, и хочется выскочить изъ коляски и побѣжать

впередъ одной. Но усадьба тети придвигается къ намъ все ближе и ближе, вотъ уже и паркъ и бѣлыя трубы на крышахъ, вотъ уже обрисовался и бѣлый заборъ и теперь уже видно, какъ кто-то выбѣжалъ изъ воротъ и машетъ намъ шляпами и платками.

Это—мои братья и сестра. Съ ними еще какой-то мальчишъ. Онъ взлѣзъ на дерево, съ дерева пробрался на крышу и тоже машетъ намъ оттуда цѣлой вѣткой ивы. Это—навѣрное Оеда.

Мы подлѣзжаемъ къ крыльцу, насъ встрѣчаютъ Юрьевна и домоладцы, начинаются объятія и поцѣлуи и мнѣ кажется, что я пролѣхала цѣлыя тысячи верстъ и не бывала здѣсь цѣлые вѣка.

Затѣмъ—длинные разговоры и расспросы: какъ мы лѣхали, что видѣли, гдѣ побывали? Я трещу, какъ сорока, рассказываю всѣмъ о своихъ впечатлѣнїяхъ, Ниночка не отрываетъ отъ меня своихъ большихъ глазъ, а братья смотрятъ на меня, какъ на большую, и имъ прїятно слушать меня и въ то-же время завидно, что ѣздила я, а не они.

Одинъ только Оеда стоитъ въ сторонѣ и молчитъ. Его носъ уже прошель, синька съ него уже смылась, но только что-то странное

появилось около его губъ. Точно онъ взялъ въ ротъ камень и такъ и стоялъ съ этимъ камнемъ во рту.

— Оеда, что съ тобой? обратилась я къ нему.—Отчего ты печальный и молчишь?

— Не трогай его! отвѣтила мнѣ Юрьевна.—Такъ ему и надо! И уродится-же такое безпокойное дитѣ!

— Да въ чемъ дѣло? спросила я.—Почему онъ молчитъ?

— Сегодня утромъ мы ходили на пасѣку за медомъ, продолжала Юрьевна.—Пасѣчникъ вырѣзалъ намъ изъ улья меду, а этотъ дуралей тотчасъ-же схватилъ кусокъ, да и понесъ его съ пчелою себѣ въ ротъ! Пчела и укусила его прямо за языкъ! Вотъ и ходитъ теперь съ распухшимъ языкомъ!

Мнѣ было смѣшно, а Оеда раскрылъ свой ротъ и показалъ мнѣ свой языкъ. Онъ былъ похожъ на кусокъ вареной колбасы, но, по-видимому, для Оеди это было ничего, потому что онъ вдругъ прыснулъ со смѣху и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ садъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ и скоро снова подъ высокими сводами вѣковыхъ аллей раздались наши веселые смѣхи и голоса.

Я не уфхала-бы отсюда никогда.

М.—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О С Е Н Ъ.

По травѣ увядшей, бурой
Я подѣ дождикомъ иду...
День осенній—тусклый, хмурый ..
Какъ печально все въ саду!

Опустѣли всѣ куртины,—
Больше яркихъ нѣтъ цвѣтовъ
И повисли паутины
Межъ пониклыхъ стебельковъ.

Пестрыхъ бабочекъ веселыхъ
Не летаетъ хороводъ,
И въ кустахъ сирени голыхъ
Соловей ужъ не поетъ.

А въ верхушкахъ старыхъ сосенъ
Вѣтеръ—холода гонецъ—
Ужъ гудить... Настала осень,—
Лѣту красному—конецъ!

А. Н.

ИВАНОВСКІЙ ЧЕРВЯЧОКЪ.

Тетка-Пелагея скатала кусокъ полотна и завязала его въ платокъ.

Ну, Ксюша, сказала она, — отнеси ты это полотно къ Тихону Иванычу и скажи ему, что это от меня. Онъ тебѣ дастъ за него пять рублей, а ты иди домой да смотри, деньги не потеряй. А то будетъ горе. Намъ нечего съ тобою будетъ ѣсть!

Ксюша взяла отъ Пелагеи полотно, захватила огрызокъ сахара, чтобы отдать его по дорогѣ своему любимцу маленькому Ванюшкѣ, и отправилась исполнять порученіе.

Она была сирота. Кто-то подкинулъ ее къ теткѣ-Пелагеѣ, а та, не смотря на дряхлость и тяжкую бѣдность, взяла ее къ себѣ и во-

спитала ее, какъ могла. Онѣ жили въ маленькой, покосившейся лачугѣ, на самомъ краю деревни, и питались только тѣмъ, что старуха выручала за свою работу. Она сѣяла полоску льна, трепала его и ткала изъ него полотно. Ксюша относила его въ сосѣднее село къ богатому мужику - скупщику Тихону Иванычу и приносила за него домой три или четыре рубля, на которыя обѣ онѣ жили потомъ цѣлый мѣсяць.

— Смотри-же, не потеряй! крикнула ей вслѣдъ старушка. — Положи въ карманъ, да все нащупывай, тамъ-ли деньги!

Была жара. На всѣхъ поляхъ жали, связывали хлѣбъ въ снопы и складывали въ скирды. Всѣ женщины были въ полѣ. Скрипѣли

телѣги, мужчины грузили на нихъ просохшіе снопы и свозили ихъ въ риги. Высоко подъ небесами пѣли жаворонки и солнце пекло такъ, что не хотѣлось двигаться и такъ и тянуло къ водѣ, ласково сверкавшей внизу на большомъ, обросшемъ камышами прудѣ. По деревнѣ бѣгали ребята, теперь предоставленные самимъ себѣ. Ксюша могла-бы присоединиться къ нимъ, но сознаніе, что должна исполнить возложенное на нее порученіе, придавало ей важности и она съ серьезнымъ видомъ шла по пыльной дорогѣ и несла тяжелое для нея полотно.

Вокругъ нея летали бабочки, трещали насѣкомья, ей навстрѣчу попадались полевые цвѣты и она слушала звуки и радовалась цвѣтамъ и это развлекало ее по пути. Два или три раза она останавливалась, клала свою ношу на землю и утирала со лба потъ.

— Уфъ, жарко! говорила она и встряхивала отекшими руками.— Какое тяжелое полотно!

Но вотъ ужъ и село. Вотъ домъ и лавка Тихона Иваныча. Они подъ желѣзной крышей, выкрашеной только недавно въ зеленый цвѣтъ, и видны издалека. Ксюша входитъ въ лавку, въ беспорядкѣ увѣшанную всевозможными деревенскими товарами, и кладетъ свою ношу на прилавокъ.

— Здравствуй, красавица! обращается къ ней толстый, весь ло-

снящійся отъ пота, Тихонъ Иванычъ.—Что скажешь?

— Тетенька прислала вамъ полотно, отвѣчаетъ Ксюша, — и сказала, чтобы вы въ счетъ уплаты дали ей теперь пять рублей.

Тихонъ Иванычъ развертываетъ полотно, приглядывается къ нему, проводитъ по нему рукой и третъ между пальцевъ. Затѣмъ онъ снова сворачиваетъ его, откладываетъ въ сторону, что-то записываетъ у себя въ книгѣ, достаетъ изъ конторки золотую пяти-рублевую монету и подаетъ ее Ксюшѣ.

— Только не потеряй, говоритъ онъ.—Спрячь подальше.

Ксюша зажимаетъ монету въ кулачокъ и опускаетъ вмѣстѣ съ нею руку въ карманъ передника.

— Нѣтъ, не потеряю... отвѣчаетъ она.

Тихонъ Иванычъ достаетъ изъ жестянки нѣсколько маленькихъ кругленькихъ леденцовъ и даетъ ей.

— Это тебѣ... говоритъ онъ.

Она благодаритъ, кладетъ леденцы въ тотъ же карманъ и отправляется домой. Теперь тетка Пелагея будетъ довольна: ея работа продана и полученныхъ денегъ хватитъ съ нея на цѣлый мѣсяць.

Ксюша отправляется тою же дорогою домой. Вокругъ нея по прежнему трепещать кузнечики, поютъ высоко жаворонки и высоко надъ головою, широко разставивъ крылья,

описываетъ коршунъ круги. Во рту у нея леденецъ. Она съѣла ужетри. Теперь остались дваикромѣ того огрызочекъ сахару, который она захватила съ собой: это для маленькаго Ванюшки.

Но вотъ и околица. У самаго въѣзда въ деревню стоитъ старый вязъ. Это—единственное большое дерево во всей деревнѣ. Теперь въ тѣни его сидитъ подруга Ксюши—Нютка и нянчить своего братишку Ванюшку. Этотъ Ванюшка такой забавный! Щеки у него такія толстыя, что такъ и кажется, что вотъ-вотъ онѣ лопнуть и изъ нихъ потечетъ молоко. Нютка вяжетъ чулокъ, а Ванюшка ползаетъ у ея ногъ и ковыряется въ травѣ и въ пыли.

— Здравствуй, Нюта! обращается къ ней Ксюша. — Здравствуй, Ванюха!

Она наклоняется надъ своимъ любимцемъ и цѣлуетъ его въ пухлую щеку. Узнавъ ее, мальчикъ тянетъ къ ней руки и проситъ поднять его съ земли.

— А я тебѣ что-то принесла, говоритъ Ксюша.

Ей жарко и хочется отдохнуть. Подъ старымъ вязомъ тѣнисто и прохладно. Что, если она присядетъ около своей подруги и минутой двѣ отдохнетъ?

И Ксюша поднимаетъ съ земли Ванюшку, садится рядомъ съ Нюткой и кладетъ къ себѣ мальчика на колѣни.

— А я тебѣ что-то принесла! повторяетъ она.—Ищи! Если найдешь, то будетъ твое!

Ребенокъ уже знаетъ, что въ карманѣ у Ксюши всегда заготовленъ для него огрызочекъ сахару, и смѣло тянетъ руку къ ея переднику. На этотъ разъ его ожидаетъ тамъ сюрпризъ. Онъ запускаетъ свою толстенькую рученку въ карманъ, достаетъ оттуда красенькій леденецъ и, довольный, суетъ его себѣ въ ротъ.

— Дай и мнѣ, говоритъ Нютка.

Ксюша лѣзетъ въ карманъ и нашариваетъ въ немъ монету, кусочекъ сахару и леденецъ. Она беретъ леденецъ и отдаетъ его Нютѣ.

„Слава Богу, деньги здѣсь, цѣлы“... думаетъ она.

И она начинаетъ рассказывать Нютѣ, какъ сейчасъ она ходила съ полотномъ въ село, какія крыши на домѣ и лавкѣ у Тихона Иваныча, какіе у него товары и какъ онъ далъ ей сейчасъ цѣлые пять леденцовъ. И пока она рассказываетъ, Ванюшка лѣзетъ къ ней въ карманъ и незамѣтно для нея, достаетъ кусочекъ сахару. Отправивъ его въ ротъ, онъ снова лѣзетъ туда-же и на этотъ разъ достаетъ изъ него уже золотую монету...

— На верхней полкѣ у Тихона Иваныча все стоятъ банки и жестянки, рассказываетъ Ксюша, — а въ нихъ все пряники и конфеты. Въ одной пряники красные, а въ другой — бѣлые мятные. По ко-

У береговъ Даніи.

Продавец овощей в Каирѣ.

(Отъ солнца овощи въ корзинѣ прикрыты сверху травой).

пѣйкѣ штука. Когда тетя дастъ мнѣ копѣйку, то я пойду и куплю.

Ванюшка повертѣлъ монету въ рукахъ, пососалъ ее, а потомъ повернулся на колѣняхъ у Ксюши и сунулъ ее въ щель, образовавшуюся отъ времени въ корѣ стараго вяза. Ксюша не замѣтила этого и все еще продолжала рассказывать о томъ, какіе товары въ лавкѣ у Тихона Иваныча и что она купить, когда выростетъ большая. Нюта слушала ее съ большимъ интересомъ и обѣ подружки были очень удивлены, когда увидѣли, что мимо нихъ вдругъ прошли вереницей крестьяне съ поля.

— Неужели уже двѣнадцать часовъ? спохватилась Нюта.

— А что? спросила Ксюша.

— Да наши уже идутъ съ поля обѣдать!

Какъ скоро пролетѣло время! Теперь тетка-Пелагея должно быть ужъ заждалась Аксюшу, и беспокоится, а она сидитъ здѣсь подъ старымъ вязомъ, да разговариваетъ о пустякахъ! Обѣ дѣвочки вскочили и тоже засобирались домой.

— Ну, прощай! сказала Нюта, принимая отъ Ксюши Ванюшку. — Приходи!

— Хорошо, приду!

Нюта вошла къ себѣ въ избу, а Ксюша черезъ всю деревню отправилась къ себѣ. Тетка-Пелагея ожидала ее уже давно и дѣйствительно, начинала уже беспокоиться.

— Ну, наконецъ-то ты! сказала

она, увидѣвъ свою воспитанницу. — А я все жду, да жду!.. Застала Тихона Иваныча? Отдала ему платно?

— Отдала, — отвѣтила Ксюша. — Вотъ и деньги!

Она сунула руку въ карманъ, да такъ и обомлѣла. Смертельная блѣдность покрыла вдругъ ей лицо и она стала чувствовать, что полъ поколебался подъ ея ногами и потолокъ готовъ былъ рухнуть ей на голову. Монеты въ карманѣ не оказалось. Она пошарила въ немъ разъ и другой, она вывернула его, но все было напрасно.

Въ нѣмомъ отчаяніи она закрыла руками лицо и опустила на колѣни. Затѣмъ, когда прошелъ первый порывъ отчаянія, когда она сознала весь ужасъ своего положенія, она вскочила на ноги, бросилась къ старушкѣ на шею и стала рыдать.

— Потеряла!.. всхлипывала она. — Потеряла!..

Тетка-Пелагея всплеснула руками и молча, въ безсиліи, опустилась на лавку.

И долго продолжалась эта нѣмая сцена отчаянія. А затѣмъ она стала плакать. Наплакавшись досыта, она успокоилась, отерла слезы и подошла къ рыдавшей на постелѣ Ксюшѣ.

— Ну, будетъ! стала она ее утѣшать. — Успокойся... Богъ далъ, Богъ и возьмъ... Чего ужъ тутъ такъ горько убиваться? Значить, такая

ужь этимъ деньгамъ судьба... Давай-ка поѣдимъ лучше хлѣбца, да похлебаемъ молочка! Поѣсть что-то охота... А потомъ ты сбѣгай да поищи. Быть можетъ и найдешь... Деньги-то! Можетъ быть, онѣ такъ и лежатъ, гдѣ ты ихъ обронила. А теперь не плачь, милая, успокойся! Зачѣмъ такъ надрываться? Оботри себѣ глазки, да давай обѣдать! Богъ поможетъ!

Дѣвочка поднялась съ постели, отерла глаза и подошла къ столу. Старуха нарѣзала хлѣба, налила въ чашку молока, достала двѣ ложки и обѣ онѣ стали обѣдать.

— Вѣдь я сама бралась за деньги, когда сидѣла съ Нютой подъ деревомъ! нарушила вдругъ молчаніе Ксюша.—Я еще подумала: „Слава Богу, деньги здѣсь, цѣлы“...

— Значить, потеряла ихъ, когда бѣжала по деревнѣ... отвѣтила старуха.

Послѣ обѣда дѣвочка отправилась на поиски. Она осмотрѣла каждую травинку, каждый листокъ, она обшарила всѣ кочки, пересыпала съ мѣста на мѣсто всю пыль, но поиски остались безрезультатны: монета не нашлась. Какъ теперь вернуться домой? Какъ теперь поглядѣть старухѣ въ глаза? Цѣлые три мѣсяца ея старческіе руки и глаза трудились надъ тканьемъ этого злополучнаго полотна и вотъ теперь эти труды пропали даромъ и бѣдная старуха должна остаться ни съ чѣмъ.

— Какая я гадкая, дрянная!..— бранила себя Ксюша, обшаривая траву.— Точно мнѣ не десятый годъ, а только три!

И съ пустыми руками, ни съ чѣмъ она вернулась домой. Она сѣла у окна и подперши подбородокъ кулачкомъ, не мигая, стала смотрѣть изъ него въ открывавшееся передъ нею поле.

Спускался тихій вечеръ. Съ пѣснями возвратились крестьяне съ работъ, прогнали мимо стадо и оно подняло по дорогѣ еще долго не опускавшуюся обратно пыль. Въ хлѣву тетка-Пелагея доила корову и слышно было, какъ молоко струилось по жестяному ведру. Закричали на прудѣ лягушки и съ шумомъ промчались вдоль деревни мальчишки на коняхъ, гнавшіе ихъ въ ночное. Затѣмъ сумерки стилились и въ каждой избѣ замерцалъ привѣтливый огонекъ. Зажглись на небѣ двѣ-три звѣзды. Ксюша не смогла долѣе сидѣть въ горницѣ и вышла на улицу.

Мальчикъ ея лѣтъ—Вася бѣжалъ мимо нея откуда-то издалека. Онъ что-то несъ въ кулакъ и разглядывалъ въ темнотѣ.

— Что ты несешь? — спросила его Ксюша. — Откуда ты бѣжишь?

— Поймалъ свѣтящагося червячка!

— А ну, покажи!

Мальчикъ разжалъ передъ нею ладонь и дѣвочка увидала на ней Ивановскаго червячка.

— Сейчас онъ не свѣтитъ,— сказалъ Вася,— потому что боится и закрылъ свои фонарики, а вотъ стоитъ только положить его на траву, какъ онъ засвѣтитъ опять!

Онъ положилъ червячка на землю и тотъ, дѣйствительно, засвѣтилъ снова двумя зелененькими огоньками.

— Гдѣ ты его поймалъ?—спросила Ксюша.

— У околицы, на старомъ вязѣ... Онъ ползъ по его корѣ, а я его подстерегъ и поймалъ! Учитель намъ рассказывалъ, что онъ свѣтитъ ночью для того, чтобы своимъ свѣтомъ подманить къ себѣ другого такого же червяка, какъ и онъ. А, можетъ быть, и для того, чтобы ночная птица могла его лучше замѣтить и съѣсть!..

Вася поднялъ съ земли Ивановскаго червяка, но такъ неудачно, что опять его уронилъ.

— Ушибся... сказалъ онъ.— Не свѣтитъ!..

И, положивъ его къ себѣ на ладонь, онъ поднесъ его къ глазамъ.

— Нѣтъ, еще живой! А я думалъ, что онъ уже издохъ!

Ксюшѣ стало жаль насѣкомое.

— На что онъ тебѣ нуженъ?— сказала она.— Что ты будешь съ нимъ дѣлать?

— Не знаю,—простодушно отвѣтилъ Вася.

— Отнеси его туда, гдѣ взялъ! Быть можетъ, у него тамъ остались дѣти!

Мальчикъ съ жалостью посмотрѣлъ на червячка.

— А я и не зналъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Только сейчасъ уже поздно, мнѣ нельзя опять идти къ вязу такъ далеко... Да кромѣ того я и боюсь...

— Дай мнѣ его сюда! Я отнесу его туда сама!

Вася передалъ ей червячка и зашлепалъ босыми ногами къ себѣ домой, а она приблизила ладонь ко рту и стала на червячка дышать. Согрѣтый ея дыханіемъ, онъ зашевелился и она со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать вдоль деревни, пробѣжала ее всю и вышла наконецъ въ поле, къ тому мѣсту, гдѣ росъ высокій, старый вязъ. Теперь, въ темнотѣ, онъ походилъ на громаднаго великана съ взъерошенными волосами на головѣ и растопырившаго въ стороны свои угловатые, корявые пальцы.

— Куда бы мнѣ тебя положить?—проговорила Ксюша.—Если я положу тебя на траву или прямо на стволъ дерева, то мальчишки будутъ возвращаться съ ночного, увидятъ тебя и возьмутъ. А то еще прилетитъ откуда-нибудь сова и съѣстъ тебя! Куда бы мнѣ спрятать тебя такъ, чтобы тебя не замѣтилъ никто?

И она вдругъ вспомнила о той щели на стволѣ стараго вяза, которая образовалась въ немъ отъ времени и находилась на немъ у самой земли.

— Вотъ что,—подумала она.— Спрячу я его туда! Тамъ его не увидить никто!

Она приблизилась къ вязу, нагнулась къ его подошвѣ и нашла на немъ въ темнотѣ знакомую щель. Затѣмъ, взявъ бережно ивановскаго червячка, она осторожно сунула его въ нее. Тотчасъ же онъ открылъ свои фонари и освѣтилъ ими всю внутренность этой щели.

Но что это? Неужели она ошиблась? Что это заблестало рядомъ съ червячкомъ и отразило на себѣ его огоньки?

Ксюша нагнулась еще ниже и заглянула глубже въ щель. Въ ней лежала ея золотая пяти-рублевая монета, которую далъ ей Тихонъ Иванычъ, и тихонько отражала въ себѣ желто-зелененькіе огоньки.

Дѣвочка задрожала, схватилась за сердце рукой, потомъ вскочила на ноги и въ волненіи стала набожно креститься и повторять:

— Нашла, нашла! Слава Тебѣ, Господи! Спасибо Тебѣ, Боженька, что Ты меня пожалѣлъ!

И полная восторга, она достала изъ щели монету и со всѣхъ ногъ побѣжала съ ней къ себѣ домой.

Тетка-Пелагея сидѣла у печи и грустно смотрѣла передъ собой. На лицѣ ея были написаны тоска и горькое сожалѣніе о пропавшемъ заработкѣ. Увидѣвъ воспитанницу, такъ поздно возвращающуюся домой, она поднялась съ мѣста и сказала:

— Пора уже спать!.. Гдѣ ты тамъ ходишь одна?.. Небось горюешь такъ, что и мѣста себѣ не найдешь?.. Ну, полно, милая, успокойся! Помолись Боженькѣ, да и ложись спать!

Но вмѣсто отвѣта Ксюша бросилась къ ней на шею, долго цѣловала ее въ старое морщинистое лицо, а потомъ достала изъ кармана монету и молча втиснула ей ее въ руку.

— Вотъ тебѣ,—сказала она.— Получай!

Старушка подошла къ лампочкѣ и, не вѣря глазамъ, долго разсматривала передъ нею монету.

— Гдѣ ты ее нашла?—спросила она ее.—Кто это тебѣ помогъ?

Она весело разсмѣялась.

— Ивановскій червячекъ!—воскликнула она и снова бросилась цѣловать Пелагею.

Гіальмаръ.

ВЪ ГОРАХЪ СИЦИЛИИ.

Маленькая Розита очень скучала на пароходѣ „Амазонка“, совершавшемъ рейсы между Буэнос-Айресомъ и Франціей. Каждый годъ, въ Іюль, она уже обязательно пересѣкала вмѣстѣ со своими родителями Атлантическій океанъ, направляясь къ Европѣ, куда ее и ее мать возилъ для поправленія здоровья ее отецъ, богатый аргентинскій купецъ Де-Кампосъ. По приѣздѣ въ Европу семья поселялась на лѣто въ Парижѣ и отсюда уже совершала свои прогулки по Швейцаріи и Италіи. Розита любила эти прогулки, ей нравилась Европа, но двадцати-пяти дневный переходъ черезъ океанъ ее утомлялъ и казался ей однообразнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, какія могли быть развлеченія на пароходѣ для дѣвочки въ десять лѣтъ? Цѣлые двадцать пять дней все небо да вода, вода да небо, и приходилось съ утра до вечера слоняться по пароходу, смотрѣть, какъ скучные пассажиры прохаживались взадъ и впередъ по палубѣ, отвѣчать на вопросы дамъ, цѣлыми часами сидѣвшихъ въ бездѣльѣ, лицомъ къ морю, на складныхъ соломенныхъ креслахъ, да кое-когда слушать музыку на роялѣ—вотъ и все. Розитѣ хотѣлось побѣгать по травкѣ, послушать птицъ, прослѣдить, куда пролетѣ-

ла бабочка или пчела, но всего этого на пароходѣ не было. И неудивительно поэтому, что она часто бѣгала на носъ, въ третій классъ, гдѣ, подобно стаду барановъ, были скучены разные бѣдняки—пассажиры, ремесленники, рабочіе и земледѣльцы, которымъ не повезло въ Аргентинѣ и которые, вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, загорѣлые, оборванные и обнищавшіе въ конецъ, возвращались къ себѣ на родину ни съ чѣмъ. Нѣкоторые изъ нихъ были больны и смотрѣли на безконечное море лихорадочными глазами. Но какъ ни жалки были всѣ эти пассажиры, всѣ они были одѣты въ яркихъ цвѣтовъ лохмотья и образовывали изъ себя живописныя группы и это невольно привлекало къ нимъ вниманіе богатыхъ пассажировъ первого и второго классовъ. Иногда эти несчастные переселенцы ссорились между собой, размахивали при этомъ руками и двигали бровями—и это еще болѣе придавало имъ какой-то дикой красоты.

— Я готова смотрѣть на этотъ сбродъ цѣлыми часами, говорила одна дама другой, свѣсившись съ мостика 1-го класса и глядя внизъ на всю эту пеструю, разношерстную толпу.

— Да, удивительно живописно!

отвѣчала ей ея спутница, и онѣ дѣйствительно цѣлыми часами разсматривали переселенцевъ въ лорнетъ.

Маленькая Розита тоже съ любопытствомъ глядѣла на нихъ, но она бѣгала для этого прямо въ 3-й классъ. Такъ ей было удобнѣе. Скоро въ числѣ пассажировъ она кое-кого примѣтила. Это была дѣвочка ея лѣтъ, съ большими черными волосами, которые вились въ кольца и рассыпались во всѣ стороны, такъ что было похоже, будто вокругъ ея головы было сіяніе. Дѣвочка эта была очень мила и на всѣхъ смотрѣла ласковыми, довѣрчивыми глазами. И вмѣсто того, чтобы взадъ и впередъ слоняться по пароходу, прислушиваться къ разговорамъ пассажировъ и надѣдаться своими разглядываніями переселенцамъ, Розита живо заинтересовалась этой дѣвочкой.

Однажды, когда ей было наиболѣе скучно, она рассказала о ней мамѣ.

— Смотри, не заразись тамъ какою-нибудь болѣзною, отвѣтила ей мать.—Ходишь къ мужикамъ и къ дѣтямъ. Мало-ли чѣмъ можно отъ нихъ заболѣть.

Но Розита стала упрашивать свою мать, чтобы она разрѣшила ей привести эту дѣвочку въ первый классъ.

— Мнѣ такъ скучно, мама, умоляла она,—такъ скучно, что даже

хочется плакать! Мы будемъ бѣгать съ нею вмѣстѣ, играть... Я ей что-нибудь прочту. И мы не замѣтимъ, какъ пролетитъ время. Ты увидишь сама, какая это прелестная дѣвчурка!

Мать послала въ третій классъ свою горничную и та скоро привела съ собою маленькую итальянчку. Въ первыя минуты дѣвочка очень стѣснялась и даже боялась всей той роскоши, съ которую на пароходахъ обставлены помѣщенія перваго класса, но потомъ обошлась и стала весело улыбаться. Тотчасъ-же дѣвочки сдружились. Дочь рабочаго и дочь богатаго купца взяли за руки и весело защебетали. Розита узнала, что дѣвочку зовутъ Санта, что она сирота и что ея отецъ, окончательно разорившись въ Аргентинѣ, возвращается теперь на послѣднія деньги къ себѣ на родину, въ Италію, и везетъ съ собою туда и ее. Что они тамъ будутъ дѣлать въ Италіи и чѣмъ будутъ жить,—она не знаетъ, къ тому-же ея отецъ болѣнъ, всѣ ему отказали въ помощи и къ кому только онъ ни обращался, всѣ называли его ту-неядцемъ и прогоняли прочь.

— Много тутъ развелось васъ попрошаекъ! говорили ему.—Такъ и глядите, гдѣ-бы что уворовать.

— Господа, обращался къ нимъ рабочій.—Я прошу у васъ не милосыни, а работы. Дайте мнѣ заработать! Помогите мнѣ стать на

Къ. пятной матери подпустили въ дѣтѣи.

ноги и я возвращу вамъ все съ
благодарностью до одной копѣйки!
У меня умерла уже съ голоду жена

Но всѣ его просьбы пропадали
даромъ и кончилось тѣмъ, что онъ
возвращался теперь на родину,

Тихая молитва.

и оставила мнѣ маленькую дочь.
Не дайте и ей погибнуть на чуж-
бинѣ!

самъ не зная, для чего и зачѣмъ,
и безъ всякой налегды на кусокъ
хлѣба впереди.

Познакомившись и освоившись со своей новой подругой, Розита отправилась вниз за куклой, чтобы показать ее Сантѣ. Кукла была большая, великолѣпная, величиною почти съ ребенка, съ темными глазами и длинными, бѣлокурыми волосами. Увидѣвъ передъ собою это чудо, Санта пришла въ изумленіе и восторгъ. Долгое время она не могла тронуться съ мѣста и такъ и стояла, широко раскрывъ ротъ и глаза. Она даже и не воображала, чтобы на свѣтѣ могли существовать такія диковинныя куклы. Сама она играла въ куколки, свернутыя изъ лоскуточковъ, вполне этимъ удовлетворялась и даже не слыхала, чтобы были какія-нибудь другія. Придя наконецъ въ себя, она почувствовала такую нѣжность къ куклѣ Розиты, что прижала ее къ себѣ и стала ее цѣловать. Нацѣловавшись до сыта, она усадила ее рядомъ съ собой и долго еще не могла оторвать отъ нея глазъ.

— А какъ ее зовутъ?—вдругъ спросила она Розиту.

— Никакъ, отвѣтила Розита.— Впрочемъ, какъ придется: когда Жанна, а когда Гретти.

— Давай, назовемъ ее Фіаметта! У насъ въ Италіи такъ часто называютъ куколъ!

— Давай.

И Жанна, она-же Гретти, съ этихъ поръ стала называться Фіаметтой.

Съ этого дня Санта стала приходиться въ 1-й классъ каждый день. Капитанъ парохода это разрѣшилъ и теперь уже ничто не мѣшало обѣимъ дѣвочкамъ сидѣть вмѣстѣ.

Какая восхитительная жизнь стала открываться теперь передъ маленькой итальянкой! Дочь богатаго аргентинскаго купца вводила ее въ роскошныя столовыя, давала ей различные остатки отъ завтрака и обѣда. А затѣмъ обѣ онѣ играли въ куклы. Всякій разъ Санта спрашивала куклу о здоровьѣ, хорошо-ли она себя вела, хорошо-ли спала? Она ее качивала, укладывала спать, пѣла надъ ея колыбелью пѣсни. Теперь уже Розита не скучала, а Санта не могла себѣ представить, можетъ-ли жизнь быть лучше той, какую она теперь вела.

Довольно часто дѣвочка говорила Розитѣ о своемъ отцѣ. Она его очень любила, но разговаривала съ нимъ рѣдко, потому что пережитыя имъ несчастья сдѣлали его угрюмымъ и молчаливымъ. Одинъ разъ она даже свела ее внизъ, въ третій классъ, и показала ей его. Онъ сидѣлъ одиноко въ сторонѣ. Шляпа была у него надвинута на самые глаза и скрывала почти все его лицо. Розита видѣла одну только большую черную бороду. Занятый своими невеселыми мыслями, онъ даже и не обратилъ никакого вниманія на смотрѣвшихъ на него дѣвочекъ.

— Пойдемъ отсюда, сказала Розита.— Не будемъ ему мѣшать!

— Отецъ очень тоскуетъ по мамѣ... отвѣтила Санта.— Кромѣ того, ему очень хочется кушать...

Но вотъ наконецъ на зарѣ пароходъ пришелъ въ какой-то портъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и густымъ дымомъ отъ другихъ пароховъ. Надъ портомъ, на возвышенномъ берегу, громоздились башни и укрѣпленія. Это былъ Марсель. Здѣсь Розита должна была выйти съ родителями на берегъ, а Санта съ отцомъ должна была отправляться далѣе до Генуи.

Какое трогательное было разставаніе дѣвочекъ! Санта плакала въ три ручья и говорила, что теперь жизнь потеряла для нея всякій смыслъ. Розита тоже была печальна и не знала, чѣмъ облегчить горе своей подруги. Наконецъ, чтобы окончательно ее успокоить, она обняла ее и искренно, отъ всей души, предложила ей куклу.

— Возьми себѣ Фіаметту! сказала она.— Я тебѣ ее дарю!

— Фіаметту? воскликнула Санта, не вѣрившая своимъ ушамъ.— Да можетъ-ли это быть? Господи! И тебѣ, Розита, не жаль? Неужели это правда? Какъ ты, Розита, добра! Я не забуду тебя во всю свою жизнь!

Затѣмъ „Амазонка“ отправилась въ Геную и дѣвочки разстались. Все время, пока пароходъ отхо-

дилъ, Санта стояла у борта и кланялась, а Розита съ берега махала ей и всѣмъ этимъ несчастнымъ переселенцамъ платкомъ. Затѣмъ пароходъ за мысомъ скрылся и она пошла къ себѣ домой.

„Напрасно я не попросила папу дать ей отцу сколько-нибудь денегъ...“ думала Розита дорогой.— Мы всѣ его только жалѣли на словахъ, а ничѣмъ ему не помогли“.

Но придя въ гостиницу, Розита вскорѣ развлеклась чѣмъ-то другимъ, а маленькая Санта еще долго стояла у борта парохода, прижимала къ себѣ Фіаметту и глядѣла въ ту сторону, гдѣ за мысомъ скрылся Марсель. Ея отецъ попрежнему сидѣлъ одиноко въ сторонѣ и о чемъ-то мучительно думалъ.

Прошли два года. Семья де-Кампосъ снова пріѣхала изъ Аргентины въ Европу и на этотъ разъ рѣшила совершить путешествіе по Сициліи. Швейцарія и Италія были ей уже слишкомъ знакомы. Прибывъ туда на пароходѣ, Розита и ея родители, вмѣстѣ съ другими пассажирами заняли мѣста въ дилижансѣ, который совершалъ рейсы отъ Террановы въглубь острова. Скоро старый дилижансъ закачался на своихъ распатанныхъ рессорахъ и повезъ нашихъ путешниковъ къ горамъ. Часа черезъ три они были уже далеко отъ всякаго селенія и со всѣхъ сторонъ ихъ обступили суровые, обнажен-

ные утесы. Убаюканные мѣрными покачиваніями дилижанса и жарой, пассажиры дремали и лошади бѣжали мелкою, лѣнливою рысцою, какъ вдругъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было разѣхаться или повернуть назадъ, ихъ разбудилъ какой то неожиданный, странный звукъ.

— Выстрѣлъ! встревожились они и повскакивали со своихъ мѣстъ.— Кто это сейчасъ стрѣлялъ? Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Кучеръ остановилъ лошадей и соскочилъ съ козелъ. Выстрѣлъ повторился. Пассажиры съ испугомъ высыпали изъ дилижанса. Какіе-то мрачные люди, въ широкополыхъ шляпахъ, надвинутыхъ имъ на глаза, и съ ружьями въ рукахъ стояли поперекъ шоссе и загоразивали собою путь. Увидѣвъ ихъ, Розита задрожала всѣми членами. Ея мать упала въ испугъ на руки ея отца. Всѣ другіе пассажиры старались спрятаться одинъ за другого.

— Ни съ мѣста! крикнулъ одинъ изъ незнакомцевъ.— Кто изъ васъ посмѣетъ сдѣлать хоть одинъ только шагъ впередъ—въ того мы будемъ стрѣлять. Вы—наши плѣнники.

Это была кучка грабителей, одна изъ частыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, и самое нападеніе ея нисколько не смутило кучера и кондуктора, сопровождавшаго дилижансъ.

— Сеньоры, обратился онъ къ

пассажирамъ.— Эти негодяи ждутъ отъ васъ выкупа. Дайте имъ нѣсколько монетъ, и мы спокойно будемъ продолжать нашъ путь!

Пассажиры выворотили свои карманы и передали деньги кондуктору, который въ свою очередь передалъ ихъ грабителямъ. Но къ его удивленію незнакомецъ повторилъ:

— Этого намъ мало. Вы наши плѣнники. Это насъ не удовлетворяетъ. Мы слышали, что среди васъ есть богатый аргентинскій купецъ. Мы можемъ потребовать съ него большой выкупъ. Идемте къ нашему атаману!

— Этотъ купецъ—я! воскликнулъ де-Кампосъ.— Но сейчасъ со мною денегъ нѣтъ. Я взялъ только на дорожные расходы. Отпустите насъ на волю и черезъ недѣлю вы получите по почтѣ громадную сумму!

Незнакомецъ еще ниже сдвинулъ шляпу на лобъ.

— Ладно! грубо отвѣтилъ онъ.— Ужъ насъ такъ многіе надували! Вы—наши плѣнники! Идемте къ атаману! Онъ разберетъ!

И разбойники со всѣхъ сторонъ окружили несчастныхъ пассажировъ. Дилижансъ, кондукторъ и кучеръ были отпущены назадъ, а всѣхъ пассажировъ подъ конвоемъ повели куда-то далеко въ горы.

— Это шайка Тасканьи, говорилъ одинъ изъ плѣнниковъ.— Вотъ уже два года, какъ онъ останавливаетъ

здѣсь дилижансы и грабить богатей.

Цѣлые два дня плелись несчастные путники пѣшкомъ по горной, каменистой дорогѣ. Каждые полтора часа имъ давали отдохнуть и кормили однимъ хлѣбомъ и водой. Спать ложились всѣ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Тасканьи жилъ въ самой срединѣ острова, въ неприступныхъ горахъ, — къ нему-то туда и вели пассажировъ дилижанса.

Наконецъ къ концу второго дня прибыли на мѣсто. Де-Кампосу объявили, что онъ вмѣстѣ со своей женою и дочерью будетъ первый отведенъ къ Тасканьи. Атаманъ самъ лично сдѣлаетъ ему допросъ и назначить выкупъ. Бѣдная Розита дрожала, какъ листъ, когда увидала передъ собой Тасканьи. Это былъ высокій человекъ съ черной бородою, угрюмый и съ печальными глазами.

„Гдѣ-то я его видала“, подумала Розита.

Вся хижина была увѣшана оружіемъ, но за то всю мебель ея составляли распатанный хромоногий столъ, двѣ-три табуретки и одинокая, ничѣмъ не покрытая кровать. Надъ кроватью висѣла дорогая, рѣзная полочка и на ней—странное дѣло—лежала красивая кукла и протягивала къ вошедшимъ руки.

— Фіаметта! воскликнула въ удивленіи Розита.

Тасканьи вздрогнулъ и тоже съ

удивленіемъ посмотрѣлъ на дѣвочку.

— Вы ее узнаете, барышня? спросилъ онъ.

— Ну, конечно! уже весело заговорила Розита.—Я сама подарила ее Сантѣ на „Амазонкѣ“, когда она отплывала отъ Марсея. Такъ, значить, Санта здѣсь? Гдѣ-же она? Я такъ соскучилась по ней! Я хочу ее видѣть!

Атаманъ вздрогнулъ и съ грустью опустилъ глаза еще ниже.

— Ея нѣтъ... отвѣтилъ онъ и слезы покатались у него по щекамъ.—Вотъ уже два года какъ бѣдная дѣвочка умерла и на всемъ свѣтѣ я остался одинъ...

— Умерла! съ тономъ отчаянія произнесла Розита.

— Да, отвѣтилъ Тасканьи.—Возвратясь изъ Аргентины на родину, я нигдѣ не находилъ себѣ работы и долженъ былъ унизиться до того, что просилъ милостыню. Мы оба ходили съ ней изъ двора во дворъ и, какъ голодные собаки, просили себѣ пропитанія. Но насъ только называли дармоѣдами и прогоняли насъ прочь. Жестокіе люди не хотѣли понимать, что мы были голодны, что намъ нужно было ѣсть, что моя бѣдная Санта таяла, какъ воскъ, не по днямъ, а по часамъ. Какъ часто мы съ ней завидовали тѣмъ собакамъ, которыя жили у богатыхъ господъ и были сыты каждый день! Съ какой завистью мы поглядывали на рѣзвыхъ, ро-

зовыхъ дѣтей, которыхъ разряженныя няни водили гулять въ городской садъ! И вотъ въ одну изъ зимнихъ ночей, когда мы оба ночевали подъ открытымъ небомъ, бѣдняжка Санта простудилась и занемогла. Голодная и холодная, она скоро скончалась на моихъ рукахъ и я... я навсегда остался одинъ!

Онъ опустился на табуретку и упалъ головою на столъ.

— И вотъ я снова сталъ бродить изъ города въ городъ и просить для себя работы. Но, глядя на мой оборванный костюмъ, всѣ насмѣшливо качали головами и говорили: „Убирайся! Много васъ тутъ шатается дармоѣдовъ!“ И мнѣ оставался только одинъ выходъ— это уйти отъ людей и поселиться здѣсь!

Онъ снова опустилъ голову на столъ и по вздрагиванію его плечъ можно было судить, что онъ горько заплакалъ.

Его стало Розитѣ жаль. Она подскочила къ нему и, подчиняясь охватившему ее порыву, обняла обѣими руками его голову и стала его утѣшать.

— Успокойтесь, говорила она.— Не нужно такъ горевать! Мы возьмемъ васъ къ себѣ въ Аргентину, папа дастъ вамъ хорошее мѣсто и вы будете жить у насъ въ довольствѣ и ни въ чемъ не имѣть нужды. Я буду къ вамъ приходить и мы вмѣстѣ будемъ вспоминать

о Сантѣ и разговаривать съ Фіаметтой. Успокойтесь, не плачьте!

Тасканьи всталъ и выпрямился во весь свой ростъ.

— Сеньоръ! обратился онъ къ г-ну де-Кампосъ,—прошу у васъ прощенія, что мои люди остановили васъ. Эта кукла—дѣйствительно та, которую моя покойная Санта получила отъ вашей дочери въ подарокъ и которая составляла всю радость въ ея страдальческой голодной жизни. Теперь ваша дочь своею лаской согрѣла и мою безнадежную жизнь. Нужда сдѣлала изъ меня преступника, но мое сердце еще не разучилось понимать, что дурно и что хорошо. Оно никогда не закроется для той, кого такъ любила когда-то моя Санта. Теперь вы свободны. Я не смѣю задерживать васъ у себя. Сейчасъ вамъ подадутъ лошадей и доvezутъ васъ до первой деревни. Прощайте. Счастливаго вамъ пути!

Четверть часа спустя, де-Кампосъ и его семья уже ѣхали въ простой тележкѣ до шоссе. Вокругъ нихъ возвышались голые утесы, была темная ночь, но на душѣ у нихъ было хорошо: они такъ дешево получили свободу.

— И только подумавъ, сказала вдругъ Розита,—что такой пустякъ, какъ кукла, и могъ имѣть для насъ такія большія послѣдствія!

— Это не кукла имѣла такія послѣдствія, отвѣтила ей мать,—

а та готовность, съ которой ты отдала ее Сантѣ, и та ласка, съ которой ты обратилась къ этому Тасканьи.

И они долго затѣмъ ѣхали молча.

— Бѣдная Санта! снова сказала Розита и на рѣсницахъ у нея заблистали слезы.

— Бѣдная Санта! повторилъ и ея отецъ. — Что, если-бы? Что, если-

бы мы во время догадались и по- могли этимъ людямъ тогда, когда насъ въ первый разъ съ ними столкнула судьба!

И Розитѣ было досадно, обидно до боли, что она не сдѣлала этого тогда, когда пароходъ отходилъ отъ Марсели, и ей хотѣлось пла- кать, жаловаться и обвинять только одну себя.

по L. Sonolet.

Это — уже предпоследній номеръ „Золотого Дѣтства“ за текущей годъ. Не забудьте, что съ 1-го Ноября начинается новый подписной годъ съ новыми приложениями въ краскахъ, съ новыми повѣстями и рассказами и массой рисунковъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано слово, имѣющее въ себѣ слѣдующіе гласные звуки:

. . еа . и . .

Изъ всѣхъ его буквъ можно составить слѣдующія слова: рисъ, татаринъ, театръ, рана, страна, тарантасъ, артистъ.

Угадать, какое слово задумано? Оно означаетъ предметъ, употребляемый для освѣщенія жилищъ.

II.

Даны три гласныя буквы:

—О.— —О.—А.

Поставить передъ каждой изъ нихъ на мѣстахъ черточекъ согласныя буквы, такъ чтобы вышло названіе русскаго города. Изъ всѣхъ буквъ этого слова можно

составить слова: коса, строка и маска.

III.

Арифмографъ. Два слова поставлены рядомъ и содержатъ въ себѣ, оба вмѣстѣ, шестнадцать буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

Буквы 9. 8. 12. 11. 10 — означаютъ то, что бываетъ при грозѣ, 6. 7. 11. 16. 9. 16 — то, безъ чего невысказано книгочечаніе, 3. 4. 3. 2. 5. 4. 15. 10 — птицу куриной породы, 14. 12. 11. 16. 5. 10 — надѣдливое насѣкомое, 13. 16. 11. 12. 15. 16. 8. 10 — настоящее русское изобрѣтеніе. 1. 2. 13. 12. 14. 10 — то, чего много на берегу моря. 3. 8. 7. 6. 16 — принадлежность печи.

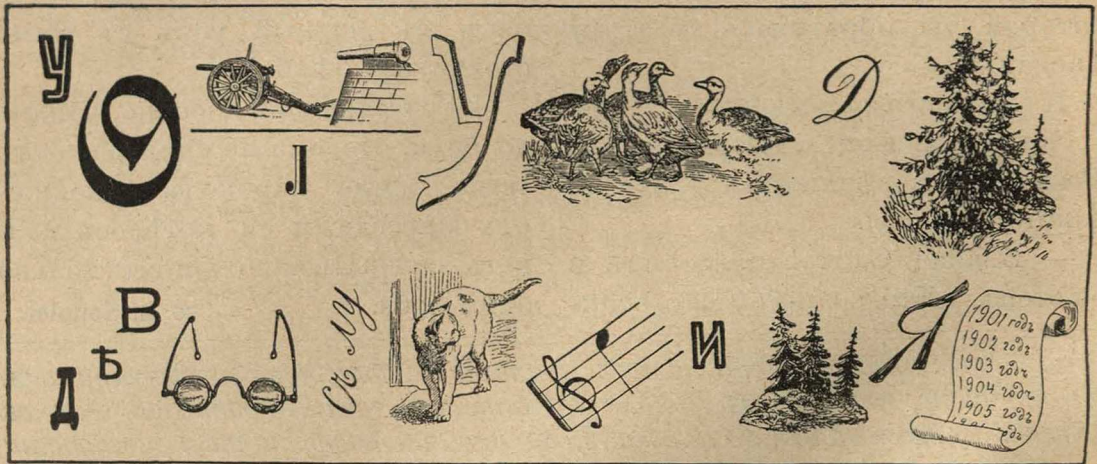
Отгадать задуманныя слова.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 16 помѣщенныхъ въ № 20 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки. I., Стремя, Коса,

Заря = Стрекоза. II., Митра, сова = трава. III., ... Вильно, ... ли + бава (Либава), ... ту + ла (Тула), мама + + дыш (Мамадышъ), ... пу + дождь

Ребусъ № 19.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

(Пудожъ),... су+мы (Сумы),... шу+я(Шуя),...вязь+ма(Вязьма),... ба+тум (Батумъ). IV., Три арбуза, такъ какъ на базарѣ были только трое: дѣдушка, отецъ и внукъ. V., За домъ бѣгаетъ собака тогда, когда ее зовутъ съ задняго крыльца или когда она чуетъ тамъ чужихъ. VI., По воздуху. VII., За уши. VIII., На Днѣстрѣ козы щипали по берегамъ траву. IX. Серафимъ.

Ребусъ № 16. Пе+ре+до+кошка+ми+ц+въ+ели+че+ре+муха+и+си+ре+нь=Передъ окошками цвѣли черемуха и сирень.

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 17, помѣщенныхъ въ № 21 „Золотого Дѣтства“:

Головоломки: I. Лось+осина=Лососина. II. Совпаденіе (совъ паденіе).

Ребусъ № 17. Комъ+а+рыба+бочки+и+ст+ре+козы+кр+ужи+лись+надъ+л+ужи+ца+

ми=Комары, бабочки и стрекозы кружились надъ лужицами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сонечка Фрискъ, Муся и Володя Визи изъ Павловска, Коля Заринъ, Федя Дидерихсъ въ СПБ., Митя Бѣлкинъ, Кира и Гога Подлѣскіе въ СПБ., Надя Крылова, Шушу Георгіевская, Ника Трубочевскій, Женья, Валя и Соня Гапонъ изъ Васильева, Таврической губ., Сережа Тополевъ, Витя Вальцегеръ изъ Касимова, Соня Глаголева, Анечка Алавердова изъ Нахичевани, Костя Куликовъ, Аля Болдырева, Аня Черткова, Муза Ковалена, Надежда Чернова, Надя Карташева изъ Чугуева, Н. Синицынъ, Хаяси-Тамака, Ника Ивановъ, Коля Ильинъ въ СПБ., Георгій Шпилевъ, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Леля Пуговкина, Олечка Кирова, Жоржъ Самаринъ, Валентина Шпаковская изъ Острова, Петя Тумановъ, Люся, Женья и Володя Сорока изъ Остра, Володя Хорьковъ, Владиміръ, Евгений и Георгій Конрадъ въ СПБ., Сережа Березинъ, Нина Иванова, Петръ Дымовъ, Надя Птицына, Ландышъ и Маргаритка, Сергій Листовскій, Арикъ Колесовъ, Валя Незнамова, Слава и Люся Василенко изъ Харькова, Лена и Вѣра Серебренниковы изъ Ташкента, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Валя Фигурская, Ира Иванцова, Боря Соколовскій изъ Дальне-Константинова, Анечка Шматова изъ Ростова-на-Дону, Витя и Валя изъ Моршанска, Игорь Черный изъ Таганрога, Иванъ Лапшинъ изъ Нижняго-Новгорода, Андрияша Федотовъ — донской казачокъ изъ Щучина, Ваня Листратовъ изъ Бронницъ, Аня Радченко, Женья и Муля Кравцовы изъ Волчанска.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—><— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —><—

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Годъ изданія четвертый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—><— Подписной годъ съ 1-го Ноября. —><—

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

::: При каждомъ номерѣ приложенія :::

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.